

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

Выпуск 1 – 2016 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2016.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/07SFK116.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Макарова А.К. Общественное сознание через призму современной мифологии // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2016 №1, <https://sfk-mn.ru/PDF/07SFK116.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 316.774

Макарова Александра Константиновна

ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Россия, Магнитогорск
Институт истории, филологии и иностранных языков
Кандидат философских наук, доцент
E-mail: alex-makarova@yandex.ru

Общественное сознание через призму современной мифологии

Аннотация. В настоящее время особо актуальным явлением в жизни общества выступает воздействие политических мифов на современную личность. В статье показано, что ряд признаков роднит политический миф с классическим архаическим мифом: сходная эмоционально-чувственная генетика, заменяющая познание, типология – мифы-легенды (трактовка событий и их причин, роли участников), исторические мифы, мифы-предания (о событиях и подвигах прошлого и их участниках), мифы о героях (политических вождях) и т.д. В отличие от классического политический миф конкретизируется применительно к актуальной политике. Политический миф рационализируется средствами направленного внушения (пропагандой, содержанием соответствующей идеологии) и самим массовым сознанием, стремящимся воспринимать миф как истину (форма морфологического познания). Политический миф может возникать стихийно, как выражение тяги к возвышающей идее, к утешению (память о героическом прошлом и др.). Чаще создается и распространяется целенаправленно, и используется как эффективное средство политики, такой миф возникает в индивидуальном сознании и затем коллективизируется, превращаясь в факт общественного сознания. Но только тогда, когда общественное сознание готово его принять.

Политический миф может способствовать сохранению и укреплению существующей политики, а может ее расшатывать. Политический миф может стимулировать необходимые процессы и события (избирательные, правительственные и партийные программы, вера в успех, в реальность планов и т.д.), а также может стимулировать самый крайний экстремизм. В этом случае политический миф используется как анестезирующее средство: предрассудок легитимирует такой экстремизм (так, миф о расовой исключительности санкционирует расизм и парализует возможный протест против него).

Подводя итог, отметим следующее. Политический миф - это превращенная форма политического сознания, в котором знание и понимание фактов политики замещается образами, символами, вымыслами, легендами и верой в них. Политический миф может возникать стихийно, как выражение тяги к возвышающей идее, к утешению (память о героическом прошлом и др.).

Как в древности, так и сегодня мифы являются родом психотерапии: призваны успокоить, обезопасить, обнадежить. Именно на политической почве преимущественно

возникают мифы, и разворачивается их соперничество. Мифы неразрывно связаны с архаическим мировоззрением, они сохраняют свое значение в современном мире. Мифы служат для преодоления разрыва между человеком и миром, а также для облегчения процесса понимания бытия. Чем меньше массы в состоянии рационально опознать социальные явления, окружающие их, тем сильнее оказывается потребность в мифологическом восприятии. Появление новых информационных технологий повлияло на форму, содержание и способы массовой трансляции мифологических установок. При этом с полным основанием можно сделать вывод о переходе от так называемого первобытного, бессознательно-классического мифа к развитой целенаправленной мифологии современности.

Ключевые слова: общественное мнение; современные политические мифы

В настоящее время особо актуальным явлением в жизни общества выступает воздействие политических мифов на современную личность. Политический миф – это превращенная форма политического сознания, в котором знание и понимание фактов политики замещается образами, символами, вымыслами, легендами и верой в них, считает И.И. Кравченко. Поскольку политическое сознание – это осознание политической жизни, то политическая мифология отражает именно политическую жизнь.

Специфика политической идеологии заключается в ее двойственности, отмечает А.Е. Щербаков. С одной стороны, она представляет собой особую рационально-манипулятивную систему, с другой — охватывает область иррационального, инвариантного метаполитического сознания, т.е. включает в себя мифические, сказочные утопические и фантастические элементы. Таким образом, неоспорима важность изучения ее мифологической составляющей, тем более в современных условиях, когда политическая идеология становится неотъемлемой частью политического процесса [1, с. 175].

Ряд признаков роднит политический миф с классическим архаическим мифом: сходная эмоционально-чувственная генетика, заменяющая познание, типология – мифы-легенды (трактовка событий и их причин и роли участников), исторические мифы, мифы-предания (о событиях и подвигах прошлого и их участниках), мифы о героях (политических вождях) и т.д. В отличие от классического политический миф конкретизируется применительно к актуальной политике. Политический миф рационализируется средствами направленного внушения (пропагандой, содержанием соответствующей идеологии) и самим массовым сознанием, стремящимся воспринимать миф как истину (форма морфологического познания). Политический миф может возникать стихийно, как выражение тяги к возвышающей идее, к утешению (память о героическом прошлом и др.). Чаще создается и распространяется целенаправленно и используется как эффективное средство политики, такой миф возникает в индивидуальном сознании и затем коллективизируется, превращаясь в факт общественного сознания. Но только тогда, когда общественное сознание готово его принять.

Политический миф может способствовать сохранению и укреплению существующей политики, а может ее расшатывать. Политический миф может стимулировать необходимые процессы и события (избирательные, правительственные и партийные программы, вера в успех, в реальность планов и т.д.), а также может стимулировать самый крайний экстремизм. В этом случае политический миф используется как анестезирующее средство: предрассудок легитимирует такой экстремизм (так, миф о расовой исключительности санкционирует расизм и парализует возможный протест против него).

Политический миф так же древен, как сама политика, которую сопровождают мифы о космической природе власти, о народоправии, о подвигах героев, о справедливом монархе, о политическом совершенстве государства и его моральности (Платон) и т.д. Весьма богата

философская история политического мифа. Известен античный миф о принадлежности власти и права народу, распространенный в Средние века виднейшими авторами (Фома Аквинский, Марсилий Падуанский, Дж. Фортескью и др.). Каждая эпоха добавляла новые или обновленные мифы: о монархе носителе воли народа, заместителе Бога на земле (Р. Филмер), о единственном суверене (Ж. Боден), об олицетворении абсолютного духа (Г. В. Ф. Гегель), о самом справедливом вожде или президенте и т.д.

Свою лепту в развитие политической мифологии внесли теория мифов о героях Т. Карлейля («Герои, почитание героев и героическое прошлое». СПб., 1908) и Ж.А. де Гобино, добавившего к мифологии героизма мифологию расизма («Эссе о неравенстве рас», тт. 1 - 4, 1853 - 55). Политический миф не может быть изжит какой-либо рационализацией политики, он представляет собой неизбежную составную часть политического сознания и охватывает непознанную составляющую представлений о политике. Тем не менее, политический миф XX в. детерминирован режимом политическим (расцвет политической мифологии при тоталитаризме, когда она становится основным средством политики) и конкретными политическими ситуациями (кризисами, мобилизациями, конфликтами, кампаниями и пр.). Уменьшение роли принятого политического мифа достигается открытой публичной политикой, развитием критического общественного самосознания, и, в итоге, один миф заменяется другим.

Рассматривая политику как форму общественного существования, Э. Кассирер отмечал, что политическая жизнь является не единственной формой общественного существования человека. В истории человечества государство в его нынешней форме – довольный поздний продукт цивилизации. Мыслитель убежден в том, что задолго до того, как человек открыл эту форму социальной организации, он предпринимал другие попытки организовать свои чувства, желания, мысли. Язык, миф, религия и искусство и есть (по Э. Кассиреру) способы такой организации и систематизации. Лишь на этой более широкой основе можно построить теорию человека. В своей исторической эволюции эти виды человеческой деятельности были тесно связаны с развитием государства, и сейчас они во многих отношениях зависят от форм политической жизни [2, с. 144].

Ж. Сорелем осуществлено рассмотрение социальной мифологии как базисной структуры идеологизированного (классового) сознания, основанного не на знании, но на вере. Именно в этом, по мнению Ж. Сореля, заключается специфика и преимущество социальной мифологии по отношению к аналогичному идеологическому феномену - утопии: будучи фундирована верой, социальная мифология не может быть подвержена рационально-логической критике.

По словам В. Парето, «сущность человека состоит не в разуме, а в способности использовать разум в корыстных целях». В этой системе отсчета социальная мифология выступает средством идеологизации и пропаганды, эффективность которого фундирована скрытыми predispositionами массового сознания.

Современная идеология власти анализирует социальную мифологию в свете исследования проблемы механизмов формирования социальных иллюзий, разработки конкретных приемов непосредственного целенаправленного воздействия на индивидуальное и массовое сознание посредством как прямой, так и латентной пропаганды, использования возможностей mass-media и multi-media в процессе формирования и прививки идеологием социальной мифологии в массовые стереотипы сознания (Х. Шиллер, Х. Блюдер, Х. Лассуэлл, Б. Берельсон, Ф. Балле).

В мифе как тексте присутствуют два типа знания: высшее объективное, реализуемое через миф, и внутреннее – внутри сюжета и через сюжет разворачиваемое. В этом –

философичность мифа. Вместе с тем, уровни мифологического знания не сводимы друг к другу, и не могут быть объяснены один через другой. Конкретный миф – только презентант и только экспликация. Между тем, что существует за сюжетом, тем, что излагается посредством сюжета, и конкретно мифом остается так называемое «мифологическое пространство» - основание для интерпретации и изложения. Возьмем любой современный миф, например, о поп-звезде (культурном герое наших дней) и с легкостью обнаружим это пространство, тем более, что шоу-бизнес держится на мифологизации и демифологизации [3, с. 280].

По мнению Т.А. Апиняна, миф есть представление о гносеологическом и в ритуальном смысле, это субъективное видение мира. Одновременно, культовая игра, спектакль-мистерия: действие, текст, посредством которых миф разворачивается в действие, текст, посредством которых миф разворачивается. Вместе с этим, несмотря на свою текучесть, эфемерность, неопределенную определенность, миф догматичен и авторитарен. Миф диктует «как надо», он отвращает от рефлексии. Если искать иллюстрацию в современности, то полностью реализуются законы мифа и мифотворчества в рекламе, в шоу-бизнесе. Необходимость в мифотворчестве испытывает политика.

Особенность мифа, делающего его наиболее приемлемым инструментом для «управленцев», отмечена еще Платоном в «Государстве»: ложь и истина в нем слиты воедино. Кроме того, миф обладает особым воздействием на душу и воображение: Платон рассуждает о способности мифа побуждать человека либо познавать неведомое, либо дать себя очаровать. Второе из названных свойств мифа обеспечивает ему непреходящую актуальность [4, с. 77].

Т.А. Апинян утверждает, что нельзя подавить человеческие инстинкты: страх, тревогу, надежду и тому подобное, о чем мечтали когда-то философы-рационалисты и просветители. Их можно направлять по какому-либо руслу, чем занимались и занимаются творцы старых и новых мифов. Как в древности, так и сегодня мифы являются родом психотерапии: призваны успокоить, обезопасить, обнадежить [4, с. 77].

Миф является несомненным близким «родственником» для PR (Public Relations), особенно в области политики, пишет Г.Г. Почепцов. Под термином PR (Public Relations – Паблик-рилейшнз – связи с общественностью) принято понимать управление совокупностью коммуникативных процессов компании, организации, индивида в отношении с общественностью с целью достижения взаимопонимания и доверия; продолжительные, планируемые усилия, которые направлены на создание и поддержку взаимопонимания и доброжелательных отношений между организацией и ее общественностью; создание благоприятного мнения путем распространения важных сведений или установления хороших отношений с государственными общественными структурами.

Именно мифологические архетипы (например, «отец нации») во многом определяют взаимоотношения лидеров и населения. Не следует забывать и о том, что образ политического оппонента очень легко трансформируется в образ «врага». И это происходит в соответствии с мифологическими моделями. Когда в одном из первых негативных ТВ-роликов во время президентской кампании в США Барри Голдуотер портретировался как человек, который может ввергнуть землю в преисподнюю путем ядерной катастрофы, создатели этого представления несомненно опирались на свои интуитивные представления о враге из мифов и сказок. PR в принципе очень часто строит мифы, давая свою интерпретацию окружающего мира, точно так же, как делал это и древний человек, пытаясь объяснить свой мир [5, с. 557].

Миф соединяет в себе рациональное и иррациональное. Рациональное, поскольку без него себя не может мыслить современный человек, и в попытках управляемости и понятности окружающего мира он находит успокоение. Но иррациональное в мифе еще важнее, поскольку

затрагивает в человеческой душе те «болевые» точки, которые находятся вне сознания человека, вне его рационализма.

Эффективность воздействия мифа связана с заранее заданной его очевидностью и нормативностью. Если ему нет соответствия в действительности, то в этом вина действительности, а не мифа. Тогда начинает трансформироваться и подгоняться действительность, а не миф. В рамках тоталитарной мифологии «Кубанские казаки» были идеалом колхозной жизни, а их несоответствие действительности объяснялось исключением локального характера (где-то все же так живут, а у нас исключение). При этом идеальная жизнь кинофильма не была абсолютно абстрактной, так как в образах героях, их отношениях и историях узнавались знакомые, обыденные черты, что придавало мифу правдоподобие.

Еще одним свойством мифологического, обеспечивающим его эффективное воздействие, является то, что мифологическое — это, как правило, повторение уже случившегося ранее. М. Элиаде написал о том пласте времени, где зарождается мифологическое: «В проявлениях своего сознательного поведения «первобытный», архаический человек не знает действия, которое не было бы произведено и пережито ранее кем-то другим, и притом не человеком. То, что он делает, уже делалось. Его жизнь — непрерывное повторение действий, открытых другими». Находясь в пределах тоталитарной мифологии, мы все время попадали в это священное время, эпицентром которого были люди и события семнадцатого года, представленные в рамках мифологической модели, когда ряд персонажей был стерт, а роль других увеличена. Такое «проживание» себя в рамках мифа действует спасительно на человеческую психологию, придавая истории объективный вклад. Как пишет М. Элиаде: «Каждый герой повторял архетипическое действие, каждая война возобновляла борьбу между добром и злом, каждая новая социальная несправедливость отождествлялась ее страданиями спасителя ...» [5, с. 558].

И это имело достаточно сильные благотворные последствия для психики. Благодаря такому подходу десятки миллионов людей могли в течение столетий терпеть давление истории, не впадая в отчаяние и не приходя в то состояние духовной иссушенности, которое неразрывно связано с релятивистским или нигилистическим видением истории.

В то же самое время в период самой революции старый миф работать не может. Р. Барт видит в революции редкий случай немифической речи: «истинно революционный язык не может быть мифическим. Революцию можно определить, как катарсический акт, высвобождающий политический заряд, накопившийся в мире. Революция созидает мир, и ее язык, весь ее язык, функционально вовлечен в этот творческий акт. Миф и Революция исключают друг друга, потому что революционное слово полностью, то есть от начала и до конца, политично, в то время как мифическое слово в исходном пункте представляет собой политическое высказывание, а в конце — натурализованное». Везде, где человек говорит для того, чтобы преобразовать реальность, а не для того, чтобы законсервировать ее в виде того или иного образа, везде, где его речь связана с производством вещей, метаязык совпадает с языком-объектом, и возникновение мифа становится невозможным [6, с. 235].

Р. Барт определяет миф как вторичную семиотическую систему, поскольку он состоит из знаков системы первичной. Только теперь уже знаки сами по себе превращаются в означающие, отсылающие к новым означаемым. Он приводит пример с обложкой журнала «Пари-Матч», где изображен молодой африканец во французской военной форме, который салютует, глядя вверх, где предположительно должен находиться французский флаг. Передаваемый конечный смысл таков: Франция — это великая империя, которой служат даже бывшие под ее колониальным, гнетом африканцы. Он пишет: «Передо мной имеется надстроенная семиологическая система: здесь есть означающее, которое само представляет собой первичную семиологическую систему (африканский солдат отдает честь, как это принято

во французской армии); есть означаемое (в данном случае это намеренное смешение принадлежности к французской нации с воинским делом); наконец, есть репрезентация означаемого посредством означаемого». Отсюда видна основная особенность вторичной семиотической системы, в ней знак одновременно является и формой и смыслом.

Р. Барт очень пренебрежительно описывает современные «левые мифы». Возможно, это связано с его позицией наблюдателя, для нас эти мифы не были такими натянутыми, как о них пишет Р. Барт: «Левые мифы бедны, бедны по своей природе. Они не могут размножаться, поскольку делаются по заказу с ограниченными, временными целями и создаются с большим трудом. В них нет главного - выдумки. В любом левом мифе есть какая-то натянутость, буквальность, ощущается привкус лозунга; выражаясь сильнее, можно сказать, что такой миф бесплоден. Действительно, что может быть худосочнее, чем сталинский миф? В нем отсутствует какая бы то ни было изобретательность, использование его поражает своей неуклюжестью; означающее мифа совершенно не варьируется: все сводится к бесконечно-однообразной литании». Возможно, поскольку мы не знали других мифов, наши представлялись нам достаточно хорошими (в сильной степени художественные произведения, создаваемые вокруг образа В. Ульянова, к примеру, где среди авторов был даже сатирик М. Зощенко, или пьеса «Батум» с героем И. Сталиным, написанная М. Булгаковым [6, с. 560]).

В своем анализе современных мифов Р. Барт идет по этому же пути, открывая структуру, имеющую как бы надстройку: «Миф — это двойная система; в нем обнаруживается своего рода вездесущность: пункт прибытия смысла образует отправную точку мифа». При этом в свое рассмотрение мифа он добавляет еще одну характеристику — его императивность, возможно, это и верно как бы для точки зрения «свежих» мифов. Р. Барт написал: «Миф носит императивный, побудительный характер, отгалкиваясь от конкретного понятия, возникая в совершенно определенных обстоятельствах (...Французская империя в опасности), он обращается непосредственно ко мне, стремится добраться до меня, я испытываю на себе силу его интенции он навязывает мне свою агрессивную двусмысленность». Продолжая свое рассмотрение, он подчеркивает два аспекта функционирования современного мифа. С одной стороны, миф стараются построить на достаточно бедном означаемом, чтобы заполнить его значением. Это карикатуры, стилизации, символы. С другой стороны, сам миф может быть раскрыт любым иным означаемым.

Суть мифа Р. Барт видит в «похищении им языка», вероятно, имея в виду повтор как структурной организации языка в мифе, так и содержательное использование единиц языка. Если посмотреть на целевое предназначение мифа, то «задача мифа заключается в том, чтобы придать исторически обусловленным интенциям статус природных, возвести исторически преходящие факты в ранг вечных». Иными словами, миф из случая делает правило, обязательное для всех. Еще одно определение мифа, данное Р. Бартом: «Миф есть деполитизированное слово». Но он сам же и оговаривается, что политика понимается им на самом глубинном уровне как реальное делание мира, подобное вышеупомянутой революции. И тем самым возникающее противоречие снимается [6, с. 564].

Отметим, что общие характеристики мифологического, важные для PR. В основании мифа лежат архетипы. К.Г. Юнг написал: «Все наиболее действенные идеалы всегда суть более или менее откровенные варианты архетипа» [7, с. 23]. То есть перед нами та область, к которой мы стремимся и в правильности которой у нас нет сомнений. Отсюда следует мощная воздействующая сила подобных образов. Они взяты из «банка образов», который проверен на человеке уже многие тысячелетия. И здесь мы вновь обратимся к К.Г. Юнгу: «Любое отношение к архетипу, переживаемое или просто именуемое, «задевает» нас; оно действительно потому, что пробуждает в нас голос более громкий, чем наш собственный. Говорящий прообразами говорит как бы тысячью голосов, он пленяет и покоряет, он поднимает

описываемое им из однократности и временности в сферу вечно сущего». Поэтому столь важны те или иные системные отсылки, возникающие при исследовании мифов, они одинаково важны как для PR, так и для рекламы. Так, подсказку на победу В. Жириновского можно обнаружить в следующих словах фольклориста: «Образ «трикстера» (плута, озорника) формируется стадийно раньше, чем образ богатыря». Образ самого богатыря, по представлениям, например, Ф.И. Буслаева, появляется в древнерусской письменности поздно, после татар. В. Жириновский периода первых побед шел именно по этой модели, лишь затем, смещаясь в иную, хотя «хвост» бывшей модели хранится в его имидже и сегодня [6, с. 568].

Одна из особенностей анализа мифологии - не замеченная исследователями связь мифа и утопии, считает И.И. Кравченко. Миф так же вездесущ и навязчив, как и утопия. Мифологическое восприятие действительности так же возникает в сознании, как и утопическое, и оно столь же трудно преодолимо. Миф и утопия в равной мере отождествляют объективное и субъективное, вещь и ее образ, внутреннее и внешнее, существенное и его подобие, действительность и иллюзию реальности. Миф предрасполагает к образованию утопических иллюзий, он и источник утопии, и ее первичная форма. И все же эти две формы иррационального отношения к действительности существенно различаются. И утопии, и мифы наделены интенциональной этикой, деонтологическими функциями, могут в равной мере концентрировать надежды, идеалы и расчеты.

Миф неизменно остается иллюзорным образом действительности. Невероятный в одних условиях воспринимаемый как утопический проект, может стать реальностью в иных условиях, но он может и исчезнуть, стать преданием глубокой старины. Может утратить актуальность и миф, но не исчезает ни утопия, ни мифология как форма и способ отношений между человеком и миром [8, с. 4].

Утопии сменяются, мифы же остаются. Утопия - это конкретизация мифа. Так, миф о благом правлении как историческая универсалия может превращаться в мифы о реальных или вымышленных правителях и в утопии иного, лучшего общественного устройства.

Вся значительная мифология связана с теми или иными универсальными ценностями: античным космизмом, трансцендентальной идеей потустороннего мира, мирового духа, вселенским единообразием истории и судеб человечества, куклами природы, власти или безвластия (анархизм), идеей господства над природой, над человеком с его переделкой или без нее и т.п. Поэтому такая мифология без усилий коллективизируется в нормальную форму массового сознания.

Однако всегда существовал и способ индивидуализировать миф в мифологии богов и героев, которыми оказывались не только персонажи легенд, но и реальные люди и группы людей. Новый, романтический вариант архаического героического мифа создал в 1840 г. Т. Карлейль. Напомним, что этот мыслитель провозгласил культ героев самым солидным элементом культуры и истории, «вечную надежду на организацию мира»: «Если бы исчезли все традиции, все порядки, все верования и все формы общества, которые человек сумел создать, он (культ героев) сохранился бы...» [8, с. 7].

В Т. Карлейле не случайно видят теоретического предшественника современного нацистского вождизма. Вряд ли, впрочем, национал-социализм, например, или советский «культ личности» нуждались в столь солидной интеллектуальной подготовке. К тому же Европа имела немалый опыт мифологической героизации: бонапартизм родился задолго до Т. Карлейля. Но так или иначе старый политический опыт получил теоретическое обоснование.

При всем тяготении к универсальности миф необходимо конкретизируется, но принципы его универсальности сохраняются как непереносимое всеобщее начало

мифосозидания. Так появляются конкретные мифы самообольщения, энтузиазма, единства, доверия, веры и т.п. универсальные достояния повседневной политики и реальной идеологии.

В исследованиях ученых встречаются описания исторического мифа. Это сильное политическое оружие, в истории насчитывается много мифов, преданий и легенд. Они сами стали фактами истории: такие достославные события, как собрание швейцарских крестьян в Рютли 1291 г., где было якобы решено отделиться от Австрийской империи; подвиг В. Телля; штурм Бастилии; неизбежность октябрьской революции и т.п. Это усилие сознания возвыситься над реальностью, и, прежде всего, убрать из прошлого негативное и недостойное, что и без особых вымыслов уже превращает историю в миф о прошлом.

Побуждающие свойства мифа во многом объясняются эмоциональностью мифа, его непосредственной чувственностью. Это и позволяет заменять действительные формы социального стимулирования превращенными, отчего миф и становится сильным индивидуальным и коллективным допингом, заставляет жить и трудиться в состоянии аффекта, в постоянном напряжении.

На стадии бессознательного сказывается эмоциональность мифа, тяга к иллюзиям, жажда утешения и ощущения надежности. Влечение к утешительному мифу - это осознанное или бессознательное влечение к пассивности, бездеятельности («за нас думают и о нас заботятся»). Миф как символ неопределенности, обозначение вероятностного процесса импонирует такому его безвольному восприятию. Он вовлекает в ожидание судьбы и удачи, прямо по Н. Макиавелли, полагавшего, что удача - неременный фактор истории народов и государств.

Один из распространенных мифов о власти, наряду с самыми древними - мифами народоправия, непререкаемости закона, суверенитета народа, властителя, непогрешимости (римского папы, современного политического вождя), фюрерства и мн. др. - миф о государстве. Он играл и продолжает играть важнейшую роль в политике, и получил фундаментальное политико-философское обоснование. Суть его - в доказательстве необычной природы государства, его трансцендентного характера, т.е. способности восходить к высшим ценностям, воплощать их и превосходить функции других политических образований [8, с. 10]. У культа государства, как известно, богатые традиции - от божественного предопределения государственной власти до апологии абсолютизма и тоталитаризма.

М.А. Хевеши акцентирует внимание ученых на том, что мифы, неразрывно связанные с архаическим мировоззрением, служат для преодоления разрыва между человеком и миром, для смягчения разрывов в понимании бытия. Часто мифы приобретают значение социальных истин, они воспринимаются как нечто само собой разумеющееся и во многом формируют общественное мнение [9, с. 6].

Мифы могут господствовать именно потому, что отвергают сомнения как таковые. Г. Лебон говорит о том, что политик должен постичь мечты массы, их чаяния, независимо от того реальны они или нет, и преподнести их им же, как абсолютную истину. Толпе нужны мифы, во что бы то ни стало, и она инстинктивно идет к тому, кто ей их предлагает. Подобного рода «истины-мифы» не подкрепляются никакими доказательствами, они излагаются в самой простой, краткой форме и при том многократно повторяются. От частого повторения они превращаются в стереотипы мышления, врезаются в самые глубокие области бессознательного, становятся стереотипами, обладающими большой устойчивостью.

Д. Ортега-и-Гассет утверждает, что современная цивилизация ставит перед человеком столь сложные задачи, а решение их столь запутанно, что человек нередко стремится уклониться от этих решений. Ему проще предаться иллюзиям, поверить в мифы, например в миф об исключительности своей нации, об окружении ее врагами и т.д. [9, с. 10].

Одним из ключевых элементов формирования мифологической идеологии является «фильтр» доверия/недоверия, через который проходит та или иная информация. Обладая монополией на официально транслируемую информацию, государственная власть определяет степень актуальности/опасности поступающих сведений, интерпретирует происходящие в стране и мире события, формируя в подсознании масс выгодные для себя мнения. Главным каналом их распространения выступают, как известно, средства массовой информации. Печать, радио, телевидение активно участвуют в процессе создания современных мифов. Кроме того, люди сами склонны искажать политическую информацию, упрощая и «приспосабливая» ее к привычным схемам, делая ее узнаваемой и устраняя внутренние противоречия. Так образуется единый мифологический фон, регулирующий символически-образную систему познания.

Мифологическое сознание влияет на восприятие образа государства — оно может представлять то как животворящий организм, мировой дух, то как паразитический нарост, пожирающий общественное тело, бюрократическая машина, давящая и эксплуатирующая народ. А внутри «божества-государства» размещается целая галерея мифологических субъектов, олицетворяющих добро или зло в самых различных их проявлениях. С точки зрения политической мифологии, история общества предстает как непрекращающаяся битва между добром и злом [1, с. 176].

Национальный миф тесно связан с психологией конкретного народа, представляющей собой строго координированную систему идейно насыщенных образов, отраженную как в религиозно-философских теориях, искусстве, так и в повседневном укладе, обычаях, преданиях и культах. Национальная мифология составляет некую «вторую реальность», возвышающуюся над обыденной трудовой жизнью народа. Время в мифе теряет свою историко-биографическую форму, становится священным.

Миф, с одной стороны, предстает как социальная сакрализация коллективом и во имя коллектива государственной власти, избранного класса, расы, вождя, т.е. это своего рода механизм подчинения народной воли определенному порядку, с другой — он обеспечивает самоутверждение в сфере неизвестного, бессознательного. В первом случае мифологические представления носят ситуативный характер и потому менее устойчивы (миф о суверенитете народа, общая воля которого непререкаема, по Ж. Руссо; миф об избранной арийской расе, по А. Гитлеру, и др.). Во втором мы видим то же перенесение феноменального в область ноуменального, субъективного — в объективный мир, ту же принудительную социализацию через условную ложь, но максимально устойчивого порядка, функционирующего не в отношениях Я - Другой в Мире, а в отношениях Я - Мир (миф о государстве, миф об обществе, миф о расе и др.).

Мифологические представления на личностном уровне связаны, прежде всего, с ритуалами благословения, обживания человеком территории, освящения нового дома и т.п., а на уровне социума — с инаугурацией правителя, освящением войска, государственным праздником и т.д. Знак-символ — основа любой политической силы, разработавшей свою мифологическую иерархию. Вновь открываемые земли каждый раз обновлялись, «творились заново» — с помощью креста, трезубца, орла. Знамя, партийная эмблема, молитва, клич — эти мифо-идеологические приемы всегда служили для поддержания в массах духа единства и идейной верности, поэтому при смене власти меняются государственные символы.

В древности обрядово-магические символы представляли собой ключевые тотемные единицы, в которых предельно концентрировались верования людей и священность которых напрямую зависела от психологического настроения последних. Это могли быть Храм, Столб, Гора, Дерево, Башня, Город, выступающие в качестве врат в иной (утопический) мир. Отрицание Данных символов означало гибель основанных на них систем или отдельных их фрагментов — путем либо их разрушения, либо завоевания и ассимиляции (падение

Константинополя). В современном обществе – это мавзолей В.И. Ленина, Аркаим – как начало нашей истории.

Большинство современных исследователей социально-политической мифологии отмечают в ее эволюции «классический» и «рационализаторский» периоды. Современные мифы, по убеждению некоторых авторов, создавались людьми, действовавшими в высшей степени сознательно. Эти люди выработали определенную рациональную технику мифологического мышления, которая стала использоваться как боевая техника для внутренней и внешней войны [1, с. 179].

Несомненно, появление новых информационных технологий повлияло на форму, содержание и способы массовой трансляции мифологических установок. Но оснований для вывода о переходе от так называемого первобытного, бессознательно-классического мифа к развитой целенаправленной мифологии современности, на наш взгляд, нет. Человек по-прежнему остается заклинателем природы (*homo magus*), предсказателем судьбы (*homo divians*), творцом социальных систем (*homo faber*). Дело лишь в усложнении современных методов управления (инструментом современной магии являются, в частности, избирательные технологии). Незнестность, которую заклинал человек в древности, никуда не исчезла, и именно она продуцирует появление всевозможных паранаучных и мистических учений. Однако большая часть того, что мы объявляем суеверием, как утверждает П.К. Фейерабенд, содержит знания — либо утраченные, либо противоречащие научным. Подлинное суеверие мы находим только там, где люди некритично следуют за духовными фюрерами, будь то инквизиторы, политики или ученые [10, с. 120].

Важно отметить, что некоторые специалисты отождествляют мифологию с чем-то вроде начальной школы человеческого сознания. Однако нельзя представлять мифологию в форме наивных ответов на наивно поставленные вопросы первобытного человека. Ответы он находил помимо мифов, в реальности. В противном случае, ограничиваясь мифологическим мировоззрением, человек не смог бы выживать в реальном мире. Мифотворчество первобытно-общинного строя выполняло иную функцию, оно создавало такую логику мифа, которая перерастала в идеологическую составляющую общества. В дальнейшем мифотворчество выполняло роль социального объединения людей в единое целое, которое обеспечивало единственную исторически обусловленную цель первобытного общества - овладение природой ради выживания.

Если учесть тот факт, что люди создают мифы, соответствующие историческому уровню развития их материального производства, то явление социального мифотворчества можно объяснить как логическое отражение особенностей общественного устройства. Если миф в первобытном обществе выступает источником нормативной деятельности, исторически обусловленным предписанием к следствию и норме, то современный миф является ничем иным, как логическим орудием разрушения этих норм и ценностей в сознании народов и созданию новых [11, с. 170].

Трансформацию социального мифотворчества - от способа сохранения общественного сознания до орудия его разрушения - можно объяснить, анализируя исторические предпосылки возникновения данного явления. Если инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы и создает такое социальное мифотворчество, которое позволяет ему выжить, то с разделением общества на классы происходит осознанное изменение данного явления. Сознательный человек логически выделяет элементы социального мифотворчества, которые позволяют ему не только овладевать природой, но и оказывать воздействие на сознание другого.

Это создает предпосылки для разделения форм мифотворчества на классическое и социальное. В тот момент, когда мифология античной Греции претерпевает кризис, «миф» начинает употребляться лишь в значении занимательной сказки. Но уже к моменту распада Римской империи, когда собственно мифология формально приходит в упадок, на основе традиционных мифов окончательно формируются социальные, которые преувеличивают или намеренно искажают представления о действительности с целью формирования нужных социальных реакций [12].

Подводя итог, отметим следующее. Политический миф - это превращенная форма политического сознания, в котором знание и понимание фактов политики замещается образами, символами, вымыслами, легендами и верой в них. Политический миф может возникать стихийно, как выражение тяги к возвышающей идее, к утешению (память о героическом прошлом и др.) [13].

Как в древности, так и сегодня мифы являются родом психотерапии: призваны успокоить, обезопасить, обнадежить. Именно на политической почве преимущественно возникают мифы, и разворачивается их соперничество. Мифы неразрывно связаны с архаическим мировоззрением, они сохраняют свое значение в современном мире. Мифы служат для преодоления разрыва между человеком и миром, а также для облегчения процесса понимания бытия. Чем меньше массы в состоянии рационально опознать социальные явления, окружающие их, тем сильнее оказывается потребность в мифологическом восприятии. Появление новых информационных технологий повлияло на форму, содержание и способы массовой трансляции мифологических установок. При этом с полным основанием можно сделать вывод о переходе от так называемого первобытного, бессознательно-классического мифа к развитой целенаправленной мифологии современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апинян Т.А. Тоска по мифу или миф как событие современности / Т.А. Апинян // Философские науки. – 2004. - №11. - С. 73 - 84.
2. Баландина Е.А., Дорль Т. Анализ социального мифотворчества как средства манипуляции общественным сознанием / Е.А. Баландина, Т. Дорль // Философия образования. – 2006. – Специальный выпуск. – С. 168 - 172.
3. Барт Р. Мифологии. Mythologies / Зенкин С. (пер. с фр.). - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. - 320 с.
4. Боброва С.П. Системные аспекты исследования мифологического сознания: логика структуры / С.П. Боброва // Личность. Культура. Общество. – Т. V - Вып. 3-4. – М.: 2003 – С. 270 - 292.
5. Кравченко И.И. Политическая мифология: вечность и современность / И.И. Кравченко // Вопросы философии. – 1999. - №1.- С. 3 - 17.
6. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. / Г.Г. Почепцов. – М. – Киев, 2001 – С. 527 - 270.
7. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / П. Фейерабенд – М.: 2 – 55 с.
8. Хевеши М.А. Социально-политические стереотипы, иллюзии, мифы и их воздействие на массы / М.А. Хевеши // Философские науки. – 2001. - №2. - С. 5 - 17.
9. Хрестоматия по истории философии (западная философия): Учеб. пособие для вузов. В 3 ч. Ч.2. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. – 1997. – 528 с.
10. Щербаков А.Е. Место мифа в политической идеологии / А.Е. Щербаков // ПОЛИС. – 2003. - №4. - С. 175 - 180.
11. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. / К.Г. Юнг. - Киев, 1996. – 364 с.
12. Макарова А.К. Мифология как способ бытия современного общества (онтологические аспекты): дис. канд. филос. наук. Магнитогорск, 2007. 160 с.
13. Мусийчук М.В., Мусийчук С.В. Социальные функции механизмов юмора в политической карикатуре // Общество: политика, экономика, право. 2015. №4. С. 12-14.
14. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М.: «Рефл-бук»; К.: «Ваклер», 2000. 656 с.

Makarova Aleksandra Konstantinovna

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia, Magnitogorsk
Institute of Pedagogy, Psychology and Social Work
E-mail: alex-makarova@yandex.ru

Public consciousness through the prism of modern mythology

Abstract. Currently particularly relevant phenomenon in society serves the impact of political myths on contemporary identity. The article shows that the number of features in common political myth with a classic archaic myth: a similar emotional and sensual genetics, replacing knowledge, typology - legends myths (interpretation of events and their causes, the role of the participants), historical myths, myths, legends (about the events and the exploits of the past and their participants), myths about heroes (political leader) and so on. d. In contrast to the classical political myth is specified in relation to the current policy. Political myth is rationalized by means of directional suggestion (propaganda content of the respective ideology) and by the mass consciousness, seeking to take the myth as truth (the morphological form of knowledge). Political myth may occur spontaneously, as an expression of the urge to uplifting idea to comfort (the memory of the heroic past, and others.). Most purposefully created and distributed, and used as an effective means of policy, this myth appears in the individual consciousness and then collectivized, becoming a fact of social consciousness. But only when the public mind is ready to accept it.

Political myth may contribute to preserving and strengthening the existing policy, and it can shatter. Political myth can stimulate the necessary processes and events (electoral, governmental and party programs, belief in success, in reality plans and so on. D.), and can stimulate the most extreme extremism. In this case, a political myth is used as an anesthetic: a prejudice legitimizes extremism (so the myth of racial exceptionalism authorizes racism and paralyzes possible protest against negoyu.

To summarize, we note the following. Political myth - a converted form of political consciousness in which knowledge and understanding of the facts of the policy is replaced by images, symbols, fictions, legends and faith in them. Political myth may occur spontaneously, as an expression of the urge to uplifting idea to comfort (the memory of the heroic past, and others).

As in ancient times, and today, the myths are born of psychotherapy designed to soothe, protect, reassure. It is politically motivated mainly arise myths, and deployed their rivalry. Myths are inextricably linked with the archaic worldview, they retain their value in the modern world. Myths serve to bridge the gap between man and the world, as well as to facilitate the understanding of the process of being. The less weight rationally identify social phenomena surrounding them, the stronger is the need for a mythological perception. The emergence of new information technologies affect the form, content and methods of mass translation of mythological units. This is every reason to conclude the transition from the so-called primitive, unconscious, to the classical myth developed purposeful modern mythology.

Keywords: public opinion; the modern political myths

REFERENCES

1. Apinyan T.A. Toska po mifu ili mif kak sobytie sovremennosti / T.A. Apinyan // *Filosofskie nauki*. – 2004. - №11. - S. 73 - 84.
2. Balandina E.A., Dorl' T. Analiz sotsial'nogo mifotvorchestva kak sredstva manipulyatsii obshchestvennym soznaniem / E.A. Balandina, T. Dorl' // *Filosofiya obrazovaniya*. – 2006. – Spetsial'nyy vypusk. – S. 168 - 172.
3. Bart R. Mifologii. Mythologies / Zenkin S. (per. s fr.). - M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2000. - 320 s.
4. Bobrova S.P. Sistemnye aspekty issledovaniya mifologicheskogo soznaniya: logika struktury / S.P. Bobrova // *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. – T. V - Vyp. 3-4. – M.: 2003 – S. 270 - 292.
5. Kravchenko I.I. Politicheskaya mifologiya: vechnost' i sovremennost' / I.I. Kravchenko // *Voprosy filosofii*. – 1999. - №1.- S. 3 - 17.
6. Pocheptsov G.G. Pablik rileyshnz dlya professionalov. / G.G. Pocheptsov. – M. – Kiev, 2001 – S. 527 - 270.
7. Feyerabend P. Nauka v svobodnom obshchestve / P. Feyerabend – M.: 2 – 55 s.
8. Kheveshi M.A. Sotsial'no-politicheskie stereotipy, illyuzii, mify i ikh vozdeystvie na massy / M.A. Kheveshi // *Filosofskie nauki*. – 2001. - №2. - S. 5 - 17.
9. Khrestomatiya po istorii filosofii (zapadnaya filosofiya): Ucheb. posobie dlya vuzov. V 3 ch. Ch.2. – M.: Gumanit. izd. tsentr VLADOS. – 1997. – 528 s.
10. Shcherbakov A.E. Mesto mifa v politicheskoy ideologii / A.E. Shcherbakov // *POLIS*. – 2003. - №4. - S. 175 - 180.
11. Yung K.G. Dusha i mif: shest' arkhетipov. / K.G. Yung. - Kiev, 1996. – 364 s.
12. Makarova A.K. Mifologiya kak sposob bytiya sovremennogo obshchestva (ontologicheskie aspekty): dis. kand. filos. nauk. Magnitogorsk, 2007. 160 s.
13. Musiychuk M.V., Musiychuk S.V. Sotsial'nye funktsii mekhanizmov yumora v politicheskoy karikature // *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2015. №4. S. 12-14.
14. Pocheptsov G.G. Teoriya kommunikatsii / G.G. Pocheptsov. – M.: «Refl-buk»; K.: «Vakler», 2000. 656 s.